

спортсмен Всеволод Бобров). Вместе с тем, все типы одаренности обязательно предполагают определенный уровень умственной (общей) одаренности. И чем этот уровень выше, тем, при прочих равных условиях, более плодотворной и одухотворенной окажется деятельность в той или иной специальной сфере.

Понятие «одаренный» - более широкое, чем «талантливый». Считать их синонимами неправомерно. «Одаренные» (дети и молодежь, и вообще любого возраста люди) покрывают весь диапазон «талантливые». Всякий талантливый ребенок (и вообще человек любого возраста) является вместе с тем и одаренным. Но не каждый одаренный может быть назван талантливым. Некоторым одаренным детям (а также юношам и девушкам) еще предстоит достичь уровня талантливости, т.е. развить одаренность до таланта. Но далеко не всем, увы, это удастся!

Многие исследователи вкладывают в термин «талантливый» специфическое значение, а именно: обладающий группой способностей к какой-либо специальной деятельности (музыкальной, художественной, литературной, технической, научной, спортивной, социальной), причем эти способности уже в значительной степени успели реализоваться в конкретных общественно полезных и значимых продуктах (результатах). В данный термин обычно вкладывают еще два признака: наличие выраженного творческого начала и доминирование врожденных качеств (задатков).

В таком понимании шестилетний Моцарт, совершающий вместе с отцом концертное турне по европейским странам, – несомненно, талант (творчески реализованная способность), хотя еще и не гений. Гением же он станет в итоге исторических эпохальных результатов исполнительской и композиторской деятельности на протяжении всей своей жизни и признания его не только в одной или нескольких странах, но всем человечеством. К сожалению, большинство гениев получает признание не при жизни, а лишь после смерти – с высоты времени.

С.А. Лишаев

УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ВОЗРАСТ (ЗРЕЛОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ)¹⁸

(Самарский университет)

Хотя со времен античности философы время от времени обращались к теме возраста, углубляться в ее разработку они не стремились. Их интересовал человек как таковой («человек вообще»), а темпоральная структура жизни рассматривалась не сама по себе, а в связи с обсуждением вопросов воспитания, образования, государственного и общественного устройства, взаимодействия

¹⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00705 («Философия возраста в горизонте герменевтической феноменологии»).

поколений и т.д.¹⁹. Становление философии возраста как особой области философских исследований началось всего несколько десятилетий назад. При этом разработка разных сегментов новой дисциплины проходила и проходит неравномерно. Одни участки возрастного трека привлекают к себе больше внимания исследователей (старость), другие – меньше (детство, молодость), третьи (зрелость) находятся на его периферии, в серой зоне подразумеваемого. Специальные работы по философии зрелости сегодня отсутствуют²⁰. Зрелость тематизируется лишь в тех исследованиях, которые посвящены возрастной структуре жизни в целом, поскольку это предполагает их целевая установка, но таких трудов в нашей литературе не много²¹. Выступая в качестве мерила роста (взросления) и старения, зрелость остается одним из наименее изученных периодов жизни. Ее анализ – первоочередная задача философии возраста.

Однако прежде чем перейти к экзистенциально-феноменологическому описанию зрелости, необходимо осмыслить причины, по которым в ее изучение инвестировалось значительно меньше исследовательских усилий, чем в другие возрасты. К данному вопросу примыкает еще один вопрос. Не подлежит сомнению тот факт, что философы разных эпох, рефлексировав над человеческой природой, отправлялись от представления о зрелом человеке, а не о ребенке или старике; если это так, то не следует ли отнести размышления о родовой сущности человека к философии зрелости? Начнем с ответа на второй вопрос, а затем перейдем к вопросу о причинах «пренебрежения зрелостью» со стороны тех, кто занимается философским анализом возраста.

1. Человек вообще и человек зрелый. Мы исходим из того, что отождествление рефлексии над «человеческой природой» как таковой с аналитикой зрелости как возраста не корректно. Рефлексия над сущностью или существованием «человека вообще» отличается от размышлений о специфике зрелости. В последнем случае мы перемещаемся из онтологии, гносеологии, социальной философии в особую область философской антропологии. Внимание в этой области антропологического знания сфокусировано не на том, что отличает человека от иного, неприсутствиеразмерного сущего, не на онтологических (и иных) условиях понимающего существования, а на возрастных модусах существования, на их внутренней структуре, на темпорально заданном рисунке человеческой жизни, взятой как в целом, так и в своих особых расположениях. Философию возраста интересует не то, что отличает человека от животного или робота, а то, *чем человек*, взятый в темпоральном развороте его жизни, *отличается от самого себя*. В философии возраста человек рассматривается как единство во множестве отличных друг от друга возрастных образов. Различия возрастных модусов человека определяются темпоральными, соматическими, социальными

¹⁹ Подробнее о предыстории и истории философии возраста см.: [4].

²⁰ Исключение составляет работа В. И. Красикова [3].

²¹ См.: [5; 1; 2].

ми, культурно-историческими и иными «околичностями» его существования, целями, которые он перед собой ставит, а также производимой им оценкой возрастных параметров собственного бытия и рефлексией над возрастным этосом («Кто я по возрасту? Что мне делать теперь, когда мне N лет? Что значит быть старым/молодым/зрелым?»).

Зрелость в философии возраста – одна из фаз возрастного метаморфоза, проходя через который, человек исполняется в качестве человека. Существо зрелости может быть прояснено в ходе ее феноменологической дескрипции и сопоставления способа бытия зрелого человека со способами, характерными для других возрастов. Результаты анализа родовой сущности человека и универсальных характеристик его экзистенции могут и должны использоваться в анализе зрелости, но заменить его они не могут.

2. Зрелость: обычное в кругу особенного. Перейдем к ответу на вопрос о причинах уклонения философов от анализа зрелости.

1. Неприметный возраст. Слабая изученность зрелости объясняется тем, что человеческое внимание, когда оно не связано необходимыми, насущными предметами каждодневной заботы, привлекает то, что воспринимается как особенное, отклоняющееся от нормы. В социальном порядке жизни доминируют люди «среднего возраста». Это самый многочисленный, занимающий (по годам) около половины жизни, и, несомненно, самый влиятельный, наделенный «правом решающего голоса» возраст. Старость, детство и молодость привлекают внимание потому, что это особые по сравнению со средним возрастом возрастные формации. Зрелость *неприметна* так же, как неприметно все, что воспринимается как норма. Зрелость (особенно для людей среднего возраста) сливается с представлением о «просто человеке». Как что-то особенное, привлекающее внимание, возраст соотносится с тем, что было «до» и будет «после» зрелости.

2. Люди, о которых можно не беспокоиться. «Неприметность» зрелости определяется также тем, что это наименее проблемный возраст. О зрелых людях никто не беспокоится; они самостоятельны, экзистенциально и социально ответственны в той мере, в какой это возможно для человека. Возраста «до» и «после» зрелости представляются особенными не в последнюю очередь потому, что требуют заботы и внимания со стороны близких и дальних. То, что беспокоит, останавливает на себе внимание, в том числе – внимание исследовательское. Чтобы кому-то помочь, необходимо понять того, кто нуждается в помощи, понять, чем ему можно помочь и как это сделать.

3. Возрастная идентичность философа и проблематика зрелости. Большинство представителей академического сообщества – люди «среднего возраста». Зрелость для них – это прозрачное стекло, сквозь которое они смотрят на окружающий мир и на самих себя, но которого чаще всего не замечают, которое для них невидимо или почти невидимо. Возрастная оптика молодых и старых не столь прозрачна, как оптика зрелых. Взор юных проходит сквозь цветные стекла мечты о великом будущем, а взор стариков окрашивают воспоминаниями об ушедшем (о прекрасном и невозвратимом прошлом). На возрастную

составляющую в мировосприятии и поведении молодых и старых людей трудно не обратить внимания. Но зрелость не такова. Она выдвигает на первый план настоящее как свое доминантное время. А настоящее – наиболее «прозрачное» измерение времени, это то, что есть. Доминирование настоящего побуждает философов к размышлениям не о зрелом возрасте, а о человеке как таковом. В том случае, если возникает необходимость тематизировать возрастной аспект существования, их вниманием завладевают старость, детство и молодость, а не близкая, но ускользающая зрелость.

Для мыслителя как человека средних лет зрелость – это «нулевой возраст». Проблемы, которые встают перед зрелым человеком, не рассматриваются в качестве возрастных проблем. Вот почему требуется осознанное усилие для того, чтобы сфокусировать внимание на зрелости как особом отрезке темпорального трека жизни, а затем исследовать его экзистенциальную структуру и межвозрастную динамику.

4. *Логика освобождения и конфигурация внимания.* Еще одна причина равнодушия философов к проблематике зрелости лежит в области преднаходимых современным человеком культурно-политических настроек внимания. Начиная со второй половины восемнадцатого столетия, в европейской культуре укрепляются (первоначально в узком кругу философско-литературной элиты, затем – во все более широких кругах общества) идеологические постулаты Просвещения, фокусирующие внимание на освобождении индивидуума от власти надиндивидуальных структур (будь то капитал, государство, идеология, церковь и т.д.) и – шире – от господства данного, не самим индивидом установленного. Кто-то и сегодня полагает, что борьба еще не завершена, что есть еще кого/что освободить от притеснений (борьба за права женщин, детей, стариков, ЛГБТ сообщества, подопытных (лабораторных) животных, за сохранение природы и т.д.), другие исходят из того, что эпоха модерна закончилась, и мы живем после модерна, «после оргии» (после взрывного освобождения от запретов и ограничений), как полагал Ж. Бодрийяр.

Хотя сфера возрастных различий не была артикулирована в качестве одной из целей борьбы за права человека, она, тем не менее, также оказала влияние на конфигурацию исследовательского внимания в философии возраста. Если логику борьбы за свободу распространить на возрастную структуру жизни в том виде, в каком она существовала на момент перехода от традиционного общества к обществу модерна, то привилегированным возрастным «классом» придется признать зрелость и раннюю (не дряхлую) старость, а угнетенными «классами» – детей и молодых людей. Не случайно борьба за освобождение неполноправных возрастов началась одновременно с борьбой за освобождение женщины, то есть в восемнадцатом столетии. Знамя борьбы за право ребенка быть ребенком, за уважение к его личности, за признание суверенитета чистой, заповедной страны детства поднял Ж.-Ж. Руссо. Движение за освобождение «репрессированных» возрастов продолжили романтики, сделавшие ставку на юность. Борьба за законные права детей и молодежи продолжается до сих пор, только ведут ее не столько философы и писатели, сколько государство и обще-

ственные организации. Логика эмансипации в духе либеральных и социалистических идей питает интерес к тем, чья свобода и права ограничены. Эта логика работает на поддержание интереса к «слабым» возрастам: к детству, молодости и старости. Противопоставление открытых новому, восприимчивых к переменам детей и молодых людей консерватизму среднего и старшего возрастов остается одной из пружин современного (либерального в своей основе) общественного сознания. В силу того, что политический взгляд на возраст неявным образом инкорпорирован в исследования по философии возраста, он оказывает определенное влияние на распределение исследовательского внимания между разными возрастными группами. И зрелость тут явно не приоритетный предмет для возрастного анализа.

Литература

1. *Косилова Е. В.* Философия возраста: Взаимосвязь экзистенциального и познавательного взросления человека. – М.: ЛЕНАРД; 2014. – 160 с.
2. *Красиков В. И.* Синдром существования. – Томск, 2002. С. С. 9-126.
3. *Красиков В. И.* Трагифарс, или Осень среднего возраста // *Красиков В. И.* Конструирование онтологий. Эфемериды. – М.: Водолей Publishers, 2007. С. 120-147.
4. *Лышаев С. А.* Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum'* 2014: жизнь в параллельных мирах. Философский ежегодник. – Самар. гуманит. акад. – Самара, 2015. С.172-200.
5. *Пигров К. С., Секацкий А. К.* Бытие и возраст. Монография в диалогах. – СПб.: Алетейя, 2017. – 250 с.

А.Ю. Нестеров

ОНТОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА ТЕХНИКИ: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД²²

(Самарский университет)

В докладе обсуждается онтология техники (технического сознания) в виде схемы, связывающей среды семиозиса (или «миры» в смысле Поппера), и метафизика техники в виде границ осуществления семантического правила в том или ином «мире».

Соотношение «онтологии» и «метафизики» понимается в смысле Р. Ингардена. Онтология техники в общем смысле – это набор предпосылок, обеспечивающих возможность техники. Метафизика техники – это следствия, вытекающие из предпосылок, но пока не осуществлённые. В смысле аналитической философии онтология техники – это набор правил, посредством которого зада-

²² Статья выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации, проект МД-6200.2016.6 "Семиотические основания техники и технического сознания".